

Герман Власов

Из цикла «Вода и ветер»

1

Купил цветы — не белые гвоздики,
но ирисы — изгиб их полюбил.
Я ехал на метро до Эвридики,
я чудом их изгиб не погубил.

Имело место чудо: я на воздух
с толпою, как на небо, вознесён.
Она живёт в пяти минутах возле
Черкизово, ещё там стадион.

Цвета команд густой гуашью слились,
потом у дома вечный шёл ремонт.
— К какой команде отнесёшь ты ирис?
Куда поставишь: в кухню? на трюмо?

Подрезала. Набрав воды из крана,
поставила на круглый стол и тут
заметила, что я приехал рано.
— Не рано. Подождём, как расцветут.

2

Ложечке с вареньем удивляюсь,
а слотнув, — блестящей на фарфоре;
влажен пар, которым упиваюсь;
в разговоре

вставлю «может быть», «похолодало»,
«воду две недели, как включили»;
длинно посмотрю и щёки алым
(соус чили)

Власов Герман Евгеньевич — поэт, переводчик. Родился в 1966 году в Москве. Окончил филфак МГУ. Автор нескольких поэтических книг, среди которых «Музыка по проводам» (М., 2009), «Девочка с обручем» (М., 2016). Лауреат международного литературного Волошинского конкурса (2009). Живет в Москве.

вспыхнут у неё. Но мы посмотрим
чёрно-белый пухлый телевизор.
И пойду к себе по подворотням,
крылья низом,

день припомнить: на солнце капли,
сурик крыш, берёзы позолоту.
Как кулик уйду от старой цапли
спать в болото.

А придёт ко мне через неделю,
я вареньем тем же угощу и:
— Сколько мы того варенья съели, —
загрущу я.

3

— Кран у тебя капает. — заметил.
— Ничего, — ответила, — не раздражает.
Ещё ветка в окно, если ветер,
на ассоциации возбуждает:

скажем, волны там ступни лижут,
или тени в вечер длиннее,
или падает с полки книжной —
собрание сочинений.

— Или, — вставил, — мужские руки
нужны, чтобы звуки иссякли
посторонние. Ну что тебе звуки —
на кухне капли?

И тогда она — чайкой на пирсе —
видит мой профиль рыбачий,
спрашивает, где я учился.
А чай у неё горячий.

4

Нежность острой волню
грудь теснит, как пюпитр.
— Что там рядом с Луной —
неужели Юпитер?

Что там слева, как птенчик,
неуёмно забилось?
Трудно лучшей из женщин —
вам и не снилось.

Трудно порознь и рядом,
прирастая, длиннея;
Быть зерцалом и взглядом —
но тем и вернее

я тобой захлебнулся,
океан в моей ранке.
Синий ирис проснулся
в круглой банке.

На воде мы, что камень,
разойдёмся кругами;
перепутает память
нас с богами.

Выпуклые, мы льёмся
красотой — синей, нежной.
Выплыву, — разойдёмся, —
а буду ль прежним?

* * *

Шумной шелухой обнесены
губы, лоб и щёки вышины.
Разве взгляд один за целый день —
как в ушко угольное продеть
нить себя. Какую выбрать из:
жёлтую, зелёную, аnis?
Нерушимый кобальт, купорос
(море, кипарисы в полный рост)?
Нет, не имя, а скорее, слух
чайкой вырывается из рук:
нет у милой имени лица,
не найти по следу беглеца.
Я — не я, сказать скорее, мы —
не имеет веса и длины;
и теперь, когда мы вместе здесь, —
мы уже рассеяны везде.
Что снаружи, что внутри — одно
смотрим с изумлением кино.